

Вера Егорова
Татьяна Егорова

*На ласковой
земле*

Булаево
2007 год

Вера Егорова
Татьяна Егорова

На ласковой
земле

2

Бабушки Сагадытковой
от авторов от души,
с уважением.

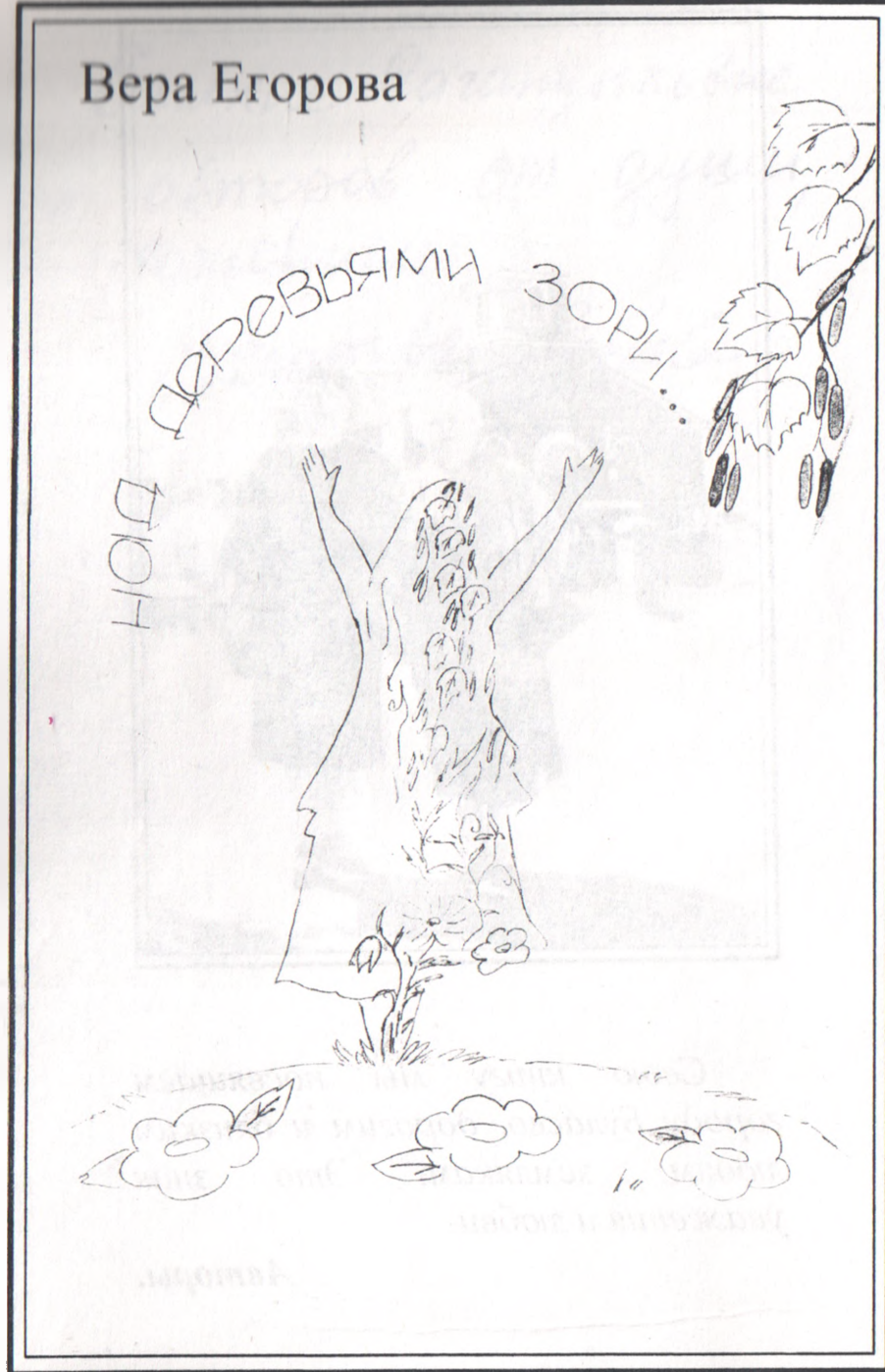
Ворова. Е.Р.С.

Свою книгу мы посвящаем
городу Булаево, дорогим и близким
людям, землякам. Это знак
уважения и любви.

Авторы.

Вера Егорова

Из цикла

«Позови меня в детство»

Старую Медвежку по соседству
Вспоминаю летом и в метель.
Моего неласкового детства,
Снов полузабытых колыбель.

Предо мной встают, как на параде,
Низкорослый маленький лесок,
И домишко в жердяной ограде
Да хромой, ленивый пес Дружок.

Помню я, как ранними утрами
По росе холодной босиком
Мы с сестрой и пес наш вместе с нами
К озеру бежали напрямиком.

Край суровый и родной до боли
 Я с собой из детства унесла.
 Степь, камыш и перекасти-поле
 Я красивым пальмам предпочла.

Старую Медвежку по соседству
 Вспоминаю летом и в метель.
 Своего неласкового детства
 Сказок позабытых колыбель.

Мое голодное и злое детство
 Вернись, вернись. Пусть будут вновь со мной
 Из горькой лебеды для хлеба тесто
 И в выстывшей трубе бурана вой.

Пусть снова влезу в ветхую фуфайку,
 В опорки вставлю ноги по весне
 И на отцовской старой таратайке
 Придется на покосы ездить мне.

И голова наполнится туманом,
 Потянет бросить тихий отчий дом.
 Все впереди: и встречи, и обманы,
 Но я пока не ведаю о том.

Вернись, мое неласковое детство,
 Заворожи наивностью своей,
 Когда беда и радость по соседству
 Живут в воображении людей.

Пусть все вернется, снова повторится,
 Лишь только бы, как прежде, по ночам
 Мне стали паруса на рейде сниться
 И гриновский задумчивый причал.

* * *

Как давно это было,
Где-то в детстве моем.
Я у моря бродила
С южным летом вдвоем.

Бултыхала ногами
По зеленой волне,
И дельфины кругами
Подплывали ко мне.

А один был всех краше,
Гладкий, словно босой.
Я звала его Яшей
И кормила камсой.

Он глотал очумело
И бычков, и камсу.
Капля влаги блестела
У него на носу.

В доме северном нашем
Часто чудилось мне,
Будто рядышком с Яшей
Я плыву по волне.

Но военное горе
Опрокинуло вдруг
И лазурное море,
И дельфинов, и юг.

Довоенное детство
Помню, словно во сне.
С Яшей я по соседству
Вновь плыву по волне.

* * *

Какое счастливое время –
Военного детства года!
А мы – босоногое племя,
Грустить не умели тогда.

И праздники были все краше,
И лозунга сила ясна:
«За детство счастливое наше
Спасибо, родная страна!»

На утренник стоило мчаться,
Чтоб там получить, наконец,
Кусочек военного счастья –
Большой, расписной леденец.

А счастье-то было – до неба!
А дома, веселью подстать,
Кусочками черного хлеба
Встречала усталая мать.

То праздники были. А в будни
Нас горем венчало житье.
Но мы никогда не забудем
Военное детство свое.

Как шли по домам похоронки,
Стучал почтальон у крыльца,
Как мы, малолетки-девчонки,
Работали в поте лица.

Какое счастливое время,
Когда еще все впереди!
И кажется радости бремя
Огромным, как сердце в груди.

* * *

Позови меня в край озерный,
Где прошло сквозь стога и жнивье
Голенастое и непокорное
Деревенское детство мое.

Позови за село Медвежку,
В ожерелье тихих озер.
В камышах чуть приметную стежку
Помню я и найду до сих пор.

Просижу до утра по соседству
С птичьим шорохом, с чутким зверьем,
Только ты позови меня в детство,
В босоногое детство мое.

* * *

Ко мне во сне приходит детство.
Соломой крытые дома.
И мама, в полушубке тесном,
В пестрядиной шали и пимах.

И наша темная землянка
С семилинейкой у стола,
И земляничная полянка,
Где я телят весной пасла.

Я вижу все, как на экране:
Деревню темную во мгле,
Сугробы снега на поляне
И волчьи свадьбы в феврале.

И новый год в землянке тесной
Да тусклой лампочки огонь
И, вместо всех деликатесов,
Кусочки хлеба в полладонь.

Во сне мне часто детство снится:
Подворье наше в свете дня
И мама, в кофточке из ситца,
С грустинкой смотрит на меня...

Булаево

Теплый дождь прогулялся над кленами,
Мимоходом асфальт сполоснул,
Прошумел тополями зелеными
И за лесом затих и уснул.

Пестрой радуги теплится зарево,
Отражаясь в озерную синь,
И стоит городок наш Булаево,
Погружен в дремоту и полынью.

Помню лето и поле раздольное
И ночевки в пахучих стогах.
Наше детство далекое, вольное
С терпким вкусом травы на губах.

Край суров и не всем улыбается,
Но любителям юга назло
Наше скромное лето булаевцам
Щедро дарит цветы и тепло.

* * *

Зноем улицы истомились,
Попривяли листья тополей.
И часы вдруг остановились
В тишине изнурительных дней.

Жаждают влаги, вечерней прохлады
Люди, звери, деревья, цветы,
Но ни капли с неба-громады,
Только солнце и зной с высоты.

И в ночной тишине душен воздух,
Хоть бы краем прошел ветерок.
Купол неба темен и звезден.
Так, пока заалет восток.

Воспаленное солнце не хочет
Пригасить злого марева дым,
И в тиши изнуряющей ночи
Люди грезят дождем проливным.

Вот придет, вот прольется нежданно,
Раскаленный асфальт сполоснет,
Разбуянится злой и желанный
И за ближний околок уйдет.

Татьянин день

(дочери)

Снежок скрипит под быстрой ножкою,
Морозец прогоняет лень.
А за узорными окошками
Татьянин день, Татьяна день.

Сугробы снега на завалинках,
Бураном замело плетень.
Кругом бело, и в белых валенках
Уходишь ты в Татьянин день.

Снежинки мчатся за салазками,
Ты удивляешься сама:
Становится волшебной сказкою
Обыкновенная зима.

И заколдованно качается
В окне еловой лапы тень.
Пусть он с тобою не прощается
Татьянин день, Татьяна день.

Родителям

Моя рука в пушистой варежке
Коснулась ласково ограды.
Как спится вам, отец и матушка,
Под этой сенью снегопада?

Но ни словечка, ни прощания,
Молчат родимые навечно.
Как тяжело мне под то молчание
Стоять с истомою сердечной.

Здесь тишина и безмятежие,
А я слезы своей не скрою,
Что принесла в безмолвье снежное
К родному вечному покою.

**Из цикла
«Вернитесь, рыцари!»**

**А рыцарей давно уж нет.
Они ушли. Не для утехи,
В музеи сдав свои доспехи,
В глуши веков пропал их след.**

**И женщины напрасно ждут,
Надеясь каждая на чудо,
А вдруг вернуться, вдруг придут
И вновь им поклоняться будут?**

**Они ушли от пошлых слов,
От сплетен, властвующих ныне,
И от вульгарных париков,
От модных брюк и от бикини.**

**Вернитесь, рыцари, возьмите
В музеях шпаги и пращи,
Свою галантность заверните
В средневековые плащи.**

**Я верю, что смешны не будут
Ни преклоненье, ни призыв,
Возможно, вновь поверят люди
В любовь и рыцарский порыв?**

**И сменят женщины бикини
На платья, вееры в руках.
И установятся отныне
Любовь и рыцарство в веках!**

Нам не хватает благородства
И бескорыстия в делах.
Во тьме душевного уродства
Все обращается во прах.

Забыли рыцарский не в меру
Обычай дедов и отцов.
Теперь к дуэльному барьеру
Уже не ставят подлецов.

Так, видно, жизнь нас воспитала
И тот, в ком благородства след,
Услышав наглый смех нахала,
Едва поморщится в ответ.

...Я помню площадь у вокзала.
Остановившись у ларька,
Два злых, откормленных нахала
Со вкусом били старика.

А люди шли неспешно мимо,
Был занят каждый сам собой
И я отчаянно решила
Остановить позорный бой!

Я знала, что не в меру сила,
Что я рискую головой,
И все ж себе бы не простила
Тот страшный и нелепый бой.

И помню, что на них кричала
И даже топала ногой...
И два разнузданных нахала
Вдруг отступили предо мной.

Когда все стихло у ларёчка,
Остался лишь примятый снег,
Старик сказал: «Спасибо, дочка!
Ты, видно, добрый человек».

А я стояла и смотрела,
И мимо снова люди шли,
И снова не было им дела
До нас, до неба, до земли.

Нет, не хватает благородства
Нам в наших суетных делах.
И тьма душевного уродства
Все чувства обращает в прах.

* * *

Какие рыцари ходили
В поход за славой на мечи!
Какие Женщины любили
Отважных рыцарей в ночи!

И если грустно без причины
Бывало милое лицо,
Готов он броситься в пучину,
Чтобы достать ее кольцо.

Но канули бесследно в Лету
Те золотые времена,
Где менестрелям и поэтам
Держали дамы стремяна.

А ныне властно, без закона
Царит наживы божество.
И злонамеренный Мамона
Свое справляет торжество!

Из цикла «Верю в сказки»

Новый год

На оконных узорах
Разграненный хрусталь...
В белоснежных просторах
Сани мчат меня вдаль.

Уезжаю в метели
От ненужных затей,
От разряженной ели
И от скучных друзей.

Вихри снежные мчатся
Рядом с санками влет,
Кони млеют от счастья,
Мчат в другой новый год.

Закружились, запели,
Снегом след замели.
Озорные метели
Заплясали вдали.

Спят дремучие елки
У таежной реки.
В пелене над поселком,
Как узор, огоньки.

Подкачу на опушке
В ледяном декабре
К одинокой избушке.
Свет мелькает в окне.

Под окошком аукну,
Напрошусь ночевать.
Чаем с мерзлою клюквой
Буду год провожать.

И засну под дерюжкой,
И всю ночь напролет
Будет сниться избушка
И чужой новый год.

Кристине Б.

Как всегда снежинки падают
И на крышах снова снег,
На дороге за оградой
Оставляют санки след.

Вновь скрипят по снегу валенки,
Тащит радостный народ
Кто большую, а кто маленькую
Сосенку под новый год.

По тропинке за калиткою
Я шагаю, как в лесу.
И колючую, и гибкую
Тоже сосенку несусь.

Наряжу ее царевною,
Хвойный запах сберегу,
По обычаю по древнему
Огоньки на ней зажгу.

Бусы перевью меж ветками,
Изукрашу мишурой,
И сосенка неприметная
Станет гордою сосной.

Простоит царевной гордою
Может день, а может пять.
А потом простой и голою
Станет сосенкой опять.

Поселится за оградой,
Словно было все во сне,
И снежинки снова падают,
И на крышах снова снег.

* * *

Я в детстве слепо сказкам верила,
В русалок, ведьм и чудеса.
Почти всерьез была уверена,
Что есть заветные леса,
Где лешие на пнях с лукошками
Сидят, беседуя без слов,
Лесною ягодой морошкой
Морочат мавки женихов.
Где в глухомани, на болотине,
Избушка с бабою-Ягой
Седой, костлявою, всклокоченной
И с деревянною ногой.
Где с мрачных сосен совы ухают
И, заблудившись у трясин,
Царевны бедные аукают,
В болоте ножки промочив.
И длится сказка очумелая
До самых лютых холодов,
Когда зима из снега белого
На все набросит свой покров.

Пройдет Мороз, волшебным посохом
Навеет сказочные сны,
И нежить самым древним способом
Заворожит он до весны.
Весна придет, взмахнет приветливо
Цветным узорным рукавом.
И лес проснется каждой веткою,
Заблещет омут серебром.
И снова заспанные лешие
С лукошком сядут на пеньки
И будут конному и пешему
Сверкать морошки огоньки.
И одолень-траву разыскивать
Я снова в дивный лес бреду...
А чуда сказочного, близкого
Все до сих пор с надеждой жду.

В старом доме

В мой старый дом по вечерам
Приходят сказки и преданья.
И нежить жметя по углам,
Места облюбовав заранее.

У батареи водяной,
Где раньше печь стояла русская,
Спит старый, добрый домовой,
Укрыв дерюжкой плечи узкие.

А там, в углу, где книжный шкаф
И кресло модное с вертушкой,
Сидит, укрывшись пледом, граф
В ботфортах, с лысою макушкой.

Жужжит в тиши веретено,
Прядет прабабка нить словесную,
Едва светлеется окно
И сонный кот за занавескою.

В мой дом, пока придет рассвет,
Стучатся сказки в сонном мареве
И продолжают много лет
Меня со щедростью одаривать.

Сон

Однажды мне ночью приснится
Полынная степь под луной,
Два рыжих коня в колеснице,
Отчаянный скиф молодой.

И я, в сновидения веря,
Начну каждый день ожидать,
Что вдруг приоткроются двери
И в них я увижу опять,

Как в ночь новогоднюю бойко,
Проходим и мне на беду,
Шальная старинная тройка
Застынет на полном ходу.

Седок, загостившийся, поздний,
Оставит в снегу санный след...
...А в небе холодные звезды
Всю ночь караулят рассвет.

Из цикла «Не плачьте, березы»

В весеннем, трепетном лесу,
На узенькой лесной дорожке,
С большим бидоном на весу
Мне встретился сосед Тимошка.

– Ты что это в лесу забыл?
Об эту пору здесь ведь пусто.
– Да, видишь, соку нацедил
С берез, хоть и не очень густо.

Сейчас приду, да процежу,
Немного сахарку добавлю,
Дрожжей и мучки подложу,
Да бражку славную поставлю.

Да, Тимка - выжига и хам.
Такого не пробьешь тараном!
А на березах тут и там
Зияли варварские раны

И медленно струился сок.
Я содрогнулась поневоле.
Казалось, что на весь лесок
Березы плакали от боли.

На клочья разорвав платок,
Едва сдержала злые слезы,
Зайдя в израненный лесок,
Я стала бинтовать березы.

Не стану поднимать скандал,
Тревогу бить, писать в газете.
Ведь этот молодой вандал,
К несчастью, не один на свете.

И не всегда найдется друг,
Который перевяжет раны,
Когда тимошки встанут в круг
И скопом выйдут на поляны.

Березка

Разбежались вдоль поля березки,
Будто ветер их в спины толкал,
Словно в платьях зеленых подростки
Поспешают на первый свой бал.

А одна в стороне от подружек,
В ожиданье листьями дрожит,
Что ей солнечный ливень опушек,
Если ветер вершину кружит?

И все лето от счастья пьянеет,
Наливается соком листва,
А под нею цветет, зеленеет
И завидует тихо трава.

Но, к осеннему ливню ревнуя,
Ветер листья с нее оборвет,
Обнаженную грудь зацелует
И к холодному сердцу прижмет.

И она, леденя от горя,
Вся светясь, без зеленой листвы,
С привередливым другом не споря,
Все забудет, уснет до весны.

А весной разбежится вдоль поля,
Оторвется от милых подруг:
«Здравствуй, лето, зеленая доля!
Здравствуй, ветер, единственный друг!»

* * *

Пахнет мятой июльский день,
Под ногами травами плещет.
Словно кружево, легкая тень
От берез молодых трепещет.

Что-то в северном нашем краю
Входит в душу красою неброской.
Как последнюю радость люблю
Белоствольную диву-березку.

Не спешу я, бреду по траве.
Между колками солнца сиянье.
Пусть же длится, как в сказочном сне,
Это летнее очарованье.

Кукушка

**Одна в онемевшем лесу
Кукушка на ветке сидела.
На мертвую леса красу
Она с удивленьем глядела.**

**В лесу нет ни птиц, и ни гнезд
Ни пенья не слышно, ни свиста.
На ветках печальных берез
Беда тишиною повисла.**

**Как быть, ох, ну как же ей быть?
По старой кукушьею привычке
Куда ей теперь отложить
Свое дорогое яичко?**

**Весеннего солнца тепло
В пеструшку решимость вдохнуло,
И к старой березе в дупло
Кукушка проворно впорхнула.**

**Пусть птицам другим не везло,
«Ку-ку!» будет множиться звонко.
Кукушка природе назло
Решила взрастить кукушонка!**

* * *

Иду по траве босиком,
Звенит под березкой цикада.
Мне здесь каждый кустик знаком,
Припек и лесная прохлада.

И еж, прошуршавший в листве,
Сосна на опушке кривая,
И озеро в яркой листве,
И тропка к нему полевая.

Сюда прихожу налегке
Потешить усталую душу.
Люблю посидеть на пеньке,
Концерты лягушек послушать.

От ранней весны к октябрю
Здесь столько цветов расцветает!
Природу я благодарю
За щедрость к родимому краю.

Озеро Рыбное

По дороге проселочной
Вновь бреду наугад.
Не сосенки и елочки,
А березы стоят.

И ни речка солидная,
Ни крутой бережок -
Просто озеро Рыбное
И зеленый лужок.

Просто серая шилохвость
Шебуршит в камышах,
И душистая жимолость
Здесь цветет не спеша.

По веленью сердечному
Прихожу я сюда.
Все простое и вечное,
Как камыш и вода.

Сохранить бы от гибели
Лес и сена стожок,
Это озеро Рыбное
И зеленый лужок.

Рябина на снегу

Бесшумною мглой снеговою
Наполнился день голубой.
Искристой большой пеленою
Прилег снегопад над землей.
И вот неожиданно ярко,
Как молнии шар на бегу,
Рождественским милым подарком
Сверкнула рябина в снегу.
Пять капелек алых. Откуда
Попали на девственный снег?
Иль птица сронила то чудо,
Иль бросил, спеша, человек?

Он даже не думал об этом,
Небрежно пройдя по снегам,
Какую гармонию цвета
Открыл нашим жадным глазам.
А я этой дивной картины
Забывать до сих пор не могу:
Пять капелек алой рябины
На белом, слепящем снегу.

*Из цикла
«Мне снятся пушкинские сны»*

* * *

Прохладный, как музыка Грига,
Прозрачен осенний убор.
На желтые листья веригой
Накинула осень ковер.

Недаром в прохладную осень
Был ласково Пушкин влюблен.
В красу увядающих просек
И воздуха синего звон.

Присяду на дерн и лезиво
Глаза я прикрою и вот
Навстречу мне неторопливо
Задумчивый Пушкин идет.

Багряный наряд свой под ноги
Неслышно роняют кусты.
Он смотрит сквозь них на дорогу
И тростью сгребает листья.

Дерновой скамье доверял он
Заветные думы свои,
А сколько придумал он сказок
У этой заветной скамьи!

Ну, надо ж такому присниться?!
Встаю, паутинку ловлю...
Мне, все-таки, есть чем гордиться:
Я осень, как Пушкин, люблю.

Пушкин в Болдино

Шапка снега с крыши свесилась,
Колокольчик издали...
В эту ночь ему пригрезилась
В бальном платье Натали.

Блеск, звон шпор, корсеты узкие,
С хоров котильон гремит,
А она такая грустная,
Беззащитная стоит.

И весь бал с молвою спешною,
С мишурой и суетой,
Покорен ее нездешнею,
Неземною красотой.

А она тепло, доверчиво
Вдруг взглянула на него.
И он понял: эта девочка
Ждет его лишь одного.

Шапка снега с крыши свесилась,
Колокольчик смолк вдали,
А ему до утра грезилась
В бальном платье Натали...

К портрету Н. Ланской

Ах, Натали, Вы так прекрасны!
Спокоен Ваш серьезный взгляд,
Как будто тень беды ужасной
Вас не коснулась во сто крат.

Как будто Вы давно забыли,
Что Пушкин в свой последний час
Друзей, что с ним всю боль делили,
Просил не беспокоить Вас.

О, Натали! Никто не знает
Ни Ваших слез, ни Ваших мук.
Спокойный взгляд не выражает
Ни скорбь утрат, ни боль разлук.

А под портретом «Н. Ланская»,
Как неудачный псевдоним.
Но я всегда Вас представляю
С поэтом рядом, только с ним.

Возможно, Вашим стал супругом
Какой-то генерал Ланской.
Но сердце ваше, как недугом,
Томилось странною тоской.

Стою у Вашего портрета
Под взглядом Ваших милых глаз.
Женой Великого Поэта
И только ею вижу Вас!

Женщинам, любившим Пушкина

Ах, сколько раз он был влюблен!
Арап неистовый и пылкий.
В любви и страсти клялся он
Графине, девке и бобылке.

И всякий раз уверен был,
Что страстно так влюблен впервые.
И бедной женщине сулил
Блаженства горы золотые!

О, как завидуем мы им,
Тем женщинам, что с ним встречались!
За миг лишь с Пушкиным самим
И жизнь отдать - такая малость!

Быть может, и не вспомнил он,
Не загрустил ни разу боле
И ни о Долли Фикельмон,
Ни о Калашниковой Оле?

А может «чудное мгновенье»
Всю жизнь вставало перед ним?
И вот за это вдохновенье
Мы вечно благодарны им!

В Михайловском

Шумят михайловские липы,
Дубы листьями шелестят.
Темнеют тайной нераскрытой
Куртины много лет подряд.

И чудится: туман, как вата,
Темнеет старый барский дом,
И грустный Пушкин, как когда-то,
Гуляет в парке, над прудом.

И думал он: «Теперь я снова
Здесь оказался за грехи...»
И для Наташи Гончаровой
Писал волшебные стихи.

Ну, а зимой холодной, мёртвой
Глядел в окно на белый снег.
И, как обыкновенный смертный,
Грустил Великий Человек.

Шумят михайловские липы,
Брожу по парку, тишь кругом.
И дышат тайною великой
Куртины, мостик, пруд и дом ...

* * *

Мне снятся пушкинские сны:
Скамья Онегина в Тригорском,
И гладь прудов в разгар весны,
Как блики, собранные в горсти.

И стройная аллея Керн,
Цветущих лип медовый запах.
Воспоминания потерь
Вместились в их зеленых лапах.

Брожу у Сороти одна
И, может быть, на той тропинке
Встречалась Пушкину весна
Крестьянкой в расписной косынке.

Счастливый уголок Земли!
Он здесь ходил и, может статься,
Что только Пушкину могли
Такие девушки встречаться.

И если вдуматься всерьез,
То время продолжает мчаться.
Под грохот войн и шум берез
Нам пушкинские строки снятся.

* * *

Когда у горя нет отдушины
И сердце высохнет дотла,
Я возвращаюсь снова к Пушкину-
Истоку силы и тепла.

Я прихожу к нему с печалью,
Стихи листаю не спеша...
И вот кристально – изначальною
Моя становится душа.

И снова жажду счастья краткого,
Смеюсь и плачу в тишине.
С ее дарами и утратами
Жизнь возвращается ко мне.

Бросая в дрожь, даря волнение,
Сквозь бремя будущих веков
Войдет в иное поколение
Волшебство пушкинских стихов.

КАЛЕНДАРЬ

Январь

(Н. Ф. Гончар)

Загадочный росчерк тропинки
В заснеженном, зимнем лесу.
И солнце на две половинки
Расчленило леса красу.

И в день этот девственно белый
Вдруг Вы появились на свет.
И в снежном лесу оголтелый,
Торжественный вспыхнул рассвет.

И иней серебряным сделал,
И розовой стала заря.
Зима свою песню запела
Последнему дню января.

Февраль

Гудят февральские метели,
Поземка кружится по льду.
Зима последние недели
Отсчитывает на ходу.

Спешит февраль побольше снега
На наши кровли намести,
Как будто зимней сказки небыль
Еще надеется спасти.

Трубит отчаянная вьюга,
Метет заснеженным крылом...
Но в синеве Весна – подруга
Узорным машет рукавом.

Март

По сырым и серым оврагам,
По дороге седой от шуги,
По снегам, набухшим от влаги,
Март рысцою бежит от пурги.

А она, в последнем угаре,
Хлопьев снега в ладони набрав,
Разбросала их слепо и яро,
Озорницу – Весну напугав.

Та стоит одиноко в сторонке,
Снег струится по влажным плечам,
Словно молится тихо девчонка,
Тайну светлую Богу шепча.

Апрель

Апрель звенит от талых вод,
Мешая запахи и звуки,
И солнце слизывает лед,
Рождая ручейки без муки.

Земля чернеет, ей легко
Дышать очищенной от снега,
И ветер гонит далеко
Туманы, взятые с разбега.

Май

Дней мало у шального мая.
Ему все хочется успеть:
Леса листвою одевая,
Ручьем журчать и песни петь.

Звенеть любви простой свирелью
И первую пугать грозой.
И в рощу соловьиной трелью
Манить влюбленных за собой.

И озимь, в зелена одета,
Бушует на пороге лета.

Июнь

Молодое июньское лето.
Весь в черемухе старенький сад.
А утрами немислимым светом
Над деревьями зори горят.

День был светел, клонился к закату,
Над землею гроза пронеслась...
Цифра восемь, невзрачная дата,
В этом месяце я родилась.

Июль

Июльской истомою
Измучились поля.
Ленивой тихой дремою
Наполнилась земля.

Над лесом, над полянами,
За дымкой голубой.
Дожди слепые, пряные
Прошли сплошной стеной.

Заросшею тропинкою,
В замолкнувшем лесу,
Иду с большой корзинкою,
Грибы домой несу.

Пройдет дождей завеса,
Пройдет июльский зной,
Но пряный запах леса
Останется со мной.

Август

Лето повернуло на покой,
Мокнут лодки праздные в пруду.
По утрам холодной росой
Птицы умываются в саду.

Ветер спелым яблоком пропах,
На рябинах красный блеск зари.
В пажитях, на сметанных стогах
Отпевают лето глухари.

Август мчится в золотом венце
Изобилен, радостен и чист,
А утрами на моем крыльце
Сиротливо жметя желтый лист.

Сентябрь

Пришел сентябрь в кафтане желтом,
Весь лес одел в цветной наряд.
И только сосенки и елки
Переодеться не хотят.

И ни за что они не станут
Менять наряд свой до весны.
Своим зеленым сарафанам
Всю жизнь останутся верны.

Октябрь

Унылая зарница
За тучею блестит,
На голой ветке птица,
Нахохлившись, сидит.

Октябрьский серый вечер,
И дождик ледяной.
И мчатся дни на встречу
С холодной зимой.

Ноябрь

На полях пустых и голых
Снега выпал тонкий слой.
И страды шумок веселый
Не тревожит их покой.

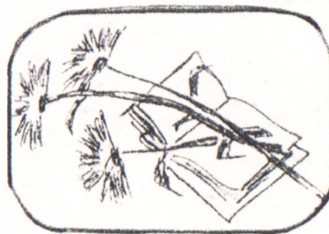
Улетели к югу птицы,
Пусто стало в ноябре.
Тишина в пруды глядится
И предзимье на дворе.

Декабрь

Декабрь – талантливый художник
Предпочитает белый цвет.
Смотрите: на стекле треножник,
Над ним магнолии букет.

Затем тончайшие узоры,
Граненый профиль хрусталя.
О, как легко, без лишних споров,
Узнать автограф декабря.

Стихи разных лет

* * *

От ладоней моих
До ладоней твоих
Километры дорог нехоженных.
И от жизни своей
Уже тысячи дней
Я не жду ничего хорошего.
Глупой сказкой живу
И во сне, наяву
Все на чудо надеюсь отчаянно,
Что ладонью своей
Я к ладони твоей
Прикоснуться смогу нечаянно.

*Памяти матери
Ольги Александровны*

В старом мамином доме
Тишина и уют.
Все до боли знакомо,
Узнаваемо тут.

Старых ходиков песня,
На полу лунный свет.
Все, как прежде на месте,
Только мамы здесь нет.

Старый ковш без эмали,
И к нему много дней
Сколько раз прикасались
Губы мамы моей.

Мамин фартук у печи,
Мамин плат на столе...
Но ни звука, ни речи.
Тишина на земле.

Жду, надеясь упрямо,
Вдруг, окликнет нас мама.

* * *

В реденьком осиннике
Медведиху ранили.
И у зверя сильного
Душу испоганили.
Рана, что ей станется?
Заживет, загоится,
А обман останется,
Надолго запомнится.
В буреломе лечится,
Залегла медведица.
Роду человечьему
Ей теперь не верится.

* * *

Как много музыки в ночном лесу!
Шумят деревья темною листвою
И мрак поет о неге и покое,
И славит мавок дивную красу.

И даже в тишь ночную в сентябре
Лес никогда от дел не отдыхает.
Готовит ноты он для птичьей стаи,
Которая проснется на заре.

Зимой, в холодном, мрачном январе,
Под вьюги вой и снежных вихрей пляски
Он пишет музыку для летней сказки,
Подыгрывая на сырой коре.

Кто выдумал, что лес зимою спит?
Он никогда не спит и вечно занят,
То слушает, как дятел барабанит,
То листьями пожухлыми шуршит.

Иду встречать восход в живом лесу,
Чтоб прикоснуться к трепетной осине
И ощутить в прохладной древесине
Извечной жизни вечную красу.

Старый вальс

В парке, в вечерней прохладе,
Словно в подарок для нас,
Модный оркестр на эстраде
Вдруг заиграл старый вальс.

И под знакомые звуки,
Тесно руками сплетясь,
Кружатся, кружатся внуки
Тех, кто придумал тот вальс.

В тихой, зеленой аллее,
Там, где скамейка и вяз,
Помнишь, когда-то сидели,
Слушали этот же вальс.

Вспыхнула рыжая челка,
Не отвела смелых глаз,
Тихо сказала девчонка:
«Тоже люблю только Вас! »

Снова мы в той же аллейке,
Все повторится сейчас...
Молча сидим на скамейке,
Слушаем бабушкин вальс.

И догадались мы сразу:
Это в порядок для нас
Модный оркестр вместо джаза
Вдруг заиграл старый вальс.

* * *

Я перед наглостью немею,
С ней разговор не завожу.
Не то, чтоб спорить с ней не смею,
А просто слов не нахожу.

Под прямоту, весьма искусно,
Наглец работает порой,
Давая письменно и устно
Уроки наглости людской.

Наглец усердно повторяет,
Что он-де человек прямой
И без запинки величает
Бесцеремонность прямотой.

Не тратьте времени напрасно
На объяснения с наглцом,
Не то рискуете всечасно
Прослыть среди умников глупцом.

* * *

Стихи писались натошак.
На сытое в довольстве брюхо
Не лезут ритм и рифма в ухо,
Хоть эдак вывернись, хоть так!

Пейзаж унылый за окном,
А в сердце стих роится тонкий
И голос плещет сочный, звонкий,
И в голове от строк содом!

Держаться в форме – не пустяк.
Блюдайте строгую диету,
Известно каждому поэту:
Стихи слагают натошак!

* * *

На рифмы времени - в обрез.
В тупой житейской передряге
Мы огрубели, как варяги,
К стихам утратив интерес.

И вот уж стала далека
Мысль, обозначенная кратко,
Все реже тянется к тетрадке
Писать отвыкшая рука.

Татьяна Егорова

*Возьми меня
в сёстры,
травы ...*

* * *

Снег цвета солнечного зайчика.
Я даже мерзну не всерьез,
Когда весна поманит пальчиком,
И «минус тридцать» - не мороз.
Ах, наконец-то все мы женщины!
Нам мужички купили торт,
Нас поздравляет шеф застенчиво
И даже милыми зовет.
И баритоном симпатичным
Какой-то стих читает. Лично!
А рядом с этой милой прозой
Назло хорошему морозу
Намек весны на снег прилег.
И стал чуть-чуть теплей снежок.

* * *

Солнечно-сиреневым снегам
Топтаным, изъезженным, засоренным
Небо улыбается слегка,
Будто глазки Катеньки Какориной.
Свежий гомон детских голосов,
Блики на стене, как отблеск счастья.
Будни? Может быть. Но день таков,
И не хочется, чтоб он кончался.
Мне не страшно жить, терпеть, страдать
И не стыдно быть смешной и слабой,
Потому что эта благодать
Не последняя любовь и радость.

О птичках

Это авитаминоз.
Отощали организмы,
Свесил вниз свой клювик-нос
Гость пернатый на карнизе.
Что ж ты, глупенький, взъерошен,
Не клюешь промерзших крошек?
Я сама, как хворый птах,
Замерзаю апатично.
Мне весна и крах в делах
В равной мере безразличны.
Но тебе, печальный мой,
Дам черемухи сухой,
Сухарей поджаристых...
Не умри, пожалуйста!

* * *

Осенняя слякоть отрадна,
Весенняя грязь гнусна,
А между, строга и опрятна,
Такая большая зима,
Что вытаявшая гадость
Уже не в укор, а в радость,
А жизнь хороша даже тем, что плоха,
И все мы в ней не без греха.
Опять порастет травую
Хорошее и дурное.
И радугой встанет лето,
И вниз опадет листвою,
И будет снег фиолетов
Под дедовской тихой сосною.
И я так богата, что равных мне нет.
В руке - черный хлеб,
В глазах - белый свет.

* * *

Корни живут землей,
Небом жива душа.
Ласковый Бог мой!
Мы существуем, греша,
Но самый кривой ствол
Крону несет вверх,
К небу подняться взошел
Каждый земной побег.
Пусть чернобог шлет
Смертный холод и лед –
Корни земля сохранит,
Небо души спасет.
Истинный Бог мой!
Чада твои мы.
Этот черный и злой
Нам не навяжет тьмы,
Ведь царство его – эпизод,
Смерть – это миг, не итог,
Всех возлюбивших ждет
Любящий мой Бог.

Н. П.

Проволоки ком
Стал живым кустом.
Пахнет солнышком,
Мокнущим снежком.
Уходи, мой Лель,
В радостный апрель.
Ледяной рукой
Я закрою дверь.
В сумраке моем
Ни обид, ни бед.
Мне не больно, нет.
Уходи, мой свет!

С. Б.

Ах! За окном такой пейзаж!
А здесь $C_2H_5OH...$
Оставьте, что вы, право?
Вы правы. Жизнь – отрава.
Но лучше ею отравиться,
Чем снова гадости напиться.

Новый день

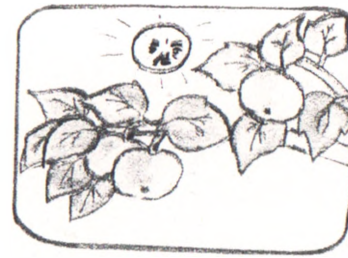
Небесно-серый с солнечным отливом,
Озвученный скандалом воробьиным...
Как много нужно, чтобы быть счастливой!
Вот ветка отцветающей рябины.
Над нею низко пролетает птица.
К дождю. И снова только ветка.
А воробьишек крик почти неистов.
Старушка- жизнь! Меня ты любишь крепко,
Ведь ты же показала мне все это.
И под задорный гвалт в лицо мне льется
Клочок небес невиданного цвета,
Как чудом, изнутри согретый солнцем.

Уважаемому соседу Щербаку Антону Ивановичу

Вдоль веселой кирпичной дорожки
Все ирисы да одуванчики.
Ты куда поспешаешь, Антошка,
Леденцами набив карманчики?
Все зеленое, желтое, синее:
Небо, солнце, цветы и трава.
Да и сам ты зеленкой вымазан,
В золотистых вихрах голова.
Мир просторный, щедрый и яркий.
Ах, как сладок его венец –
Самый лучший из всех подарков,
Изумрудный большой леденец!

А. Б.

Как эта роза неповторима!
Как эта женщина уникальна!
То, что мы любим,
Те, кто любимы
Все украшают прелестью тайны.
Пусть эта женщина не Афродита,
Пусть эта роза с шиповником схожа,
В любящем сердце сокровище скрыто:
Только она! Нет милей и дороже.
В любящем сердце восторга кипенье.
Я в этом ритме жить постараюсь:
Песню услышу – замру в восхищенье,
Вижу ребенка и улыбаюсь.
Мы озверели, срываемся с круга.
Стойте! Зачем воевать понапрасну!
Необходимо влюбиться друг в друга
Этим спасемся. Ведь мы так прекрасны!

* * *

Я дочь. Но буду старше папы.
И даже скоро. Времечко летит.
Но дедова сосна не вскинет лапы
И яблонька в окно не поглядит.
Сажаю огород. Копаю землю.
А там пустырь. Там не живет никто.
Я видела сама: ни дома, ни деревьев.
И обхожу сторонкой место то.
Но верю снам. Они твердят, что все же
Из жизни не исчезло ничего.
И с каждым днем все больше я похожа
На деда и на папу своего.

* * *

А в кронах младенческий лепет
Негромко пророчит, что здесь
Земля разнотравием лечит
Любую беду и болезнь.
Поверь в это доброе средство
И будет по вере дано.
Березы, – большие младенцы,
Лепечут об этом давно.
Люби и бессонницу ночью,
И стужу бескрайней зимой.
Пей чай с чабрецом (между прочим-
Самой богородской травой)
Не все безнадежно на свете,
Где даже в снегах голубых
Живут горицвет и бессмертник,
И много растений других.

* * *

Здравствуй, скверик, приятель старинный!
Нынче, вместо деревьев до неба,
Две аллеи сирени, рябина
Да развалины клумбы нелепой.
В детстве звался парком, горсадом.
Помолчим, дружище, в тиши.
Все как есть. И другого не надо.
Мы не суетны и хороши.
Видишь, кроха с мамой гуляет?
Ну, давай, тряхни стариной!
Парк огромный и тетя большая –
Это, кажется, мы с тобой.
Ты опять, приятель старинный,
Роль гиганта играешь. И прав.
И улыбка старой рябины,
Словно голос детства добра.

* * *

Насупились тучи,
Нахмурились лужи,
Попрятались птицы, собаки и кошки.
Как жаль, что никто босиком не закружит,
Танцуя по лужам, смешной и хороший!
Пришли аллергия, прогресс, анемия,
Нет девочки Таточки крепкой, как репка.
Дела твои, Боже, такие чудные!
Ах, наши? Конечно. Прости нас за это!

* * *

Вот аквариум. В нем рядом я и ты,
В нем на скатерти лиловые цветы,
Потому что мы у чайного стола.
(Рыбка в гости к нам случайно заплыла).
В круглой комнате мы в центре. Все плывет:
Книги, водоросли, чашки, серый кот...
Вот и глубже стал мирочек обжитой
Под водою, рядом с рыбкой золотой.

* * *

Понаскучив жизнью легкой, летучей
Кучевые облака сбились в кучи,
Посмотрели вниз и враз посерьезнели:
Грозовыми стали, темными, грозными.
– У людишек на Земле безобразия!
Отхлестать дождем как следует разве их?

* * *

Вода стеной, и волны в ноги.
Плывут и тонут в сером цвете
Пустырь, проезжая дорога,
Амбар, который стал мечетью.
Всевышний все сечет дождем
И вкупе нас. И поделом.
Мы засоряем души, землю.
Мы гласу Господа не внемлем.
Нас, с нашей суетностью, ложью
Не зря боятся твари божьи.
Создатель! Пожалей людей.
На нашу грязь свой гнев излей,
Чтоб стали мы добрей и чище.
Пусть нам птенцов доверят птицы,
И небо синие глазищи
Не прячет в мокрые ресницы.

* * *

Неприметно цветет кровохлебка,
Жметя тысячелистник у тропки,
Подает подорожник ладоши мне,
А шиповник плодами хорошими
Чай советует заварить...
В этом мире мне любо жить
Оттого, что сама такая,
Как и все, что здесь подрастает:
Не роскошная и не южная.
Не черешни – костянки нужно мне.
Я не в сладком раю
Поднялась и стою.
И рябинка рядом пылает.

* * *

Пруд это или лужа
С осокой полукругом,
Но он кому-то нужен,
Как мы с тобой друг другу.
Лягуха безмятежная
Среди его красот
С улыбкой самой нежною
Сидит и мошек жрет.
Сидит и счастлива вполне.
А ты, дружок, нужнее мне,
Чем радостной лягухе этой
И пруд, и комары, и лето.

* * *

Прилягу, лицо запрокину.
Кузнечик, от счастья звеня,
Живи под стволами травинок,
Не зная, что любишь меня.
Я вверх потянулась ветвями,
За землю держась душой,
Округу наполню шмелями,
Душистым горошком, росой.
Когда я взойду вот такая:
Вся в искрах, без веры во зло,
Пусть люди цветы срывают
И радуются светло.

* * *

Возьми меня в сестры, трава!
А выпадет мой черед,
Я стану в рост такого,
Что чудо произойдет,
День будет любовью искриться,
Как первый ландыш в росе.
Пусть алая зорька струится,
Как лента к речной косе.
Пусть мамы детей ласкают
И дождик весёлый льёт.
А после душа родная
Опять в миру подрастет.
Возьми ее в сестры, трава!
Подскажем сестре своей
Растительной тайны слова
О братстве трав и людей.

* * *

Научусь бескорыстью желаний,
Научусь безмятежности чувств.
От глупцов и разочарований,
От грехов удалюсь.
Окружу себя небом и лесом,
И бесхитростным милым зверьем.
Только все это бесполезно.
Плохо дело мое.
Самой страшной болезнью – любовью
Сердце с детства заражено.
Пусть болит себе на здоровье.
Значит просто живое оно.

* * *

Невинный взгляд небес сквозь ветки
Ласкает всех. Милы и жалки
Ему трава с костянкой редкой,
Грибы – опята, птица – галка.
И тот, кто гладит виновато
Березку по атласной коже.
Чудаковатый, непонятный,
Так на соседей непохожий.
Сейчас просить прощенья станет
За безобразья человечьи,
Ведь на опушке свалка дряни,
И сам околок изувечен.
Бедняга со стыда сгорает
За всех собратьев – негодяев,
Но только небо чистым взглядом
Все извиненья принимает
И, как березку эту рядом,
Его жалеет и ласкает.

С. А. Г. 12.04.1991.

Поэты падают в траву
И в рифму говорят об этом.
К ним, дивом-дивным наяву,
Плывут закаты и рассветы.
Им, в трепете, в цвету, в росе
И розовея от смущенья,
Сердечки дарят все сирени,
Влюбленные внимают все.
Жизнь превращается в кабак.
Сорвались с цепи моды, нравы,
В бреде дельцы, что нами правят
И масса прочих бедолаг.
Все бред. Но я переживу,
Поскольку для меня поэты
В восторге падают в траву
И в рифму говорят об этом.

* * *

Кроткой короткою прелестью,
Грустью медового цвета,
Нежным березовым шелестом
Падало под ноги лето.
Больше не будет такого.
Как уходило волшебю!
В полузабытое слово,
В наше прощанье – прощенье.

* * *

В зеленых травах палый лист.
И в золотой воде, и всюду.
Сквозь август осень льется вниз
Безоблачным и теплым чудом.
Какое счастье просто быть
На этот ясный день похожей!
Кого-то лаской одарить.
Как паутинкой по щеке,
Как желтым яблоком в руке,
Как нежным солнышком по коже.

* * *

Мне дарована ласка
В слове медленном «Осень».
В поздних выцветших красках
Скрыт мой праздник неброский.
Небо, низко летящее,
Воздух свежий и влажный-
Мой сентябрь уходящий,
День, когда я однажды
Самым будничным утром
Стала жить, постигая,
Как устроена мудро
Наша жизнь небольшая.

28.09.

С дождем негромкого литья
На ласковой земле
У мамы появилась я
И астры на столе.
Мне подарили мир любви
И деда взгляд прямой,
Наш дом, где я и брат росли
А папа был живой.
По-матерински жизнь щедра.
И мама тут, со мной,
А значит, хватит мне добра
На весь мой путь земной.
Мне, брату, близким и друзьям.
Не даром столько лет
Мы вместе – мама, жизнь и я,
И астры на столе.

* * *

Пожухлая трава сквозь треснувший асфальт...
Бесцветные слова об осени твердят.
Звук вянет, гаснет мысль.
Ты жалок, одинок.
Не раскисай! Влюбись
В нахохленный денек,
В ободранный горсад,
В прошедший листопад,
В досадный снег с дождем,
В продрогнувших девчат.
Влюбись в рябины кисть
И в зиму, что придет.
Возьми и в жизнь влюбись!
И слово оживет.
Как вечная трава
Пробьет асфальт любой.
Земля лишь тем жива,
Что есть на ней любовь.

* * *

Осеннее солнышко поздним теплом
Ласкает сухую траву.
Спасибо, судьба! Мне ведь так повезло
Что я родилась и живу,
Что праздники редко, что жизнь – это труд,
Что можно на склоки и зло
Ответить улыбкой,
Пусть сплетники врут.
Я счастлива. Мне повезло.
Спасибо за бестолочь и за болезнь,
За несправедливость твою.
За то, что я все-таки вот она, здесь,
Под солнцем и небом стою.
За то, что беда подарила друзей,
За мысли в бессонную ночь.
Спасибо тебе! Среди добрых людей
Есть мама. А я – ее дочь.
И осень сбывается в мире моем,
И я сухоцветов нарву.
А главное – солнышко поздним теплом
Так нежно ласкает траву.

* * *

Мы у планеты байстрюки.
Бедняга корчится от боли
С тех самых пор, как чад лихих
Людишек принесла в подоле.
Родства не знаем. Грех на нас:
Смерть братьев, матери увечья
И то, как мы живем сейчас,
Безбожно и бесчеловечно.
Но есть младенец. И, скорбя,
Мать наклонилась к изголовью.
И терпят небо и земля
С Надеждой, Верой и Любовью.

* * *

Ни старого сада,
Ни крепкого дома,
Ни складу, ни ладу,
Ни тропки знакомой...
Нет папиной яблоньки возле окна –
Мне как оберег помогала она.
Жизнь снова трудна,
И опять интересна,
Есть новые мысли и новые песни.
Хорошим живем,
А о скверном – не надо.
Проблема лишь в том,
Что ни складу, ни ладу.
Нет папиной яблоньки,
Старого сада.

Письмо Г. М. В.

Две придворные вороны
Вас представят ко двору
И торжественно ко трону
Вы пройдете по ковру...
Что там в сказке было дальше?
Плен и север. Дальний путь.
В жизни все совсем иначе,
Хоть сюжет похож чуть – чуть,
Как пленительная роза
И цветок на старой шляпке,
Как сибирские морозы
В добрых байках старой бабки.
Мерзли грубые ладошки
В холода без рукавиц...
Где Вы, Герда-босоножка?
Жду письма из «заграниц».
Там вас встретят у порога,
Вы опишете мне как
«Клара, Клара, я расстроган» –
Гаркнет старый Карл-добряк.

* * *

От одиночества бешусь.
Кому нужды мои причуды,
Моя любовь, мои простуды
И пироги, и строгий вкус,
Когда уже почти три дня
Никто не навещал меня.
Не оставлял понянчить чадо,
Не нес вязанья и шитья.
Писать контрольные не надо
Для вас, заочники-друзья.
Как будто я исчезла вовсе!
Занять денег и то не просят.
Но скоро праздник, а ему
Предшествует возня такая,
Что я, запыхавшись, пойму:
Мне вас, друзья мои, хватает!

* * *

Финифть и тишина...
Какое утро!
А я одна. На целый мир одна.
Лишь старая сосна не спит, как будто
Она в пушистый сад впервые влюблена.
А под сосной забыта рукавичка.
Украшу дерево, ведь нынче Новый год.
Пусть этой детской нарядной вещичкой
Сосна как елочной гирляндой щегольнет.

Вальс снежных хлопьев

Снова сочельник. Чайковский. Сказка.
Чистая, снежная музыка нежная.
Вечер так тих, и морозец так ласков!
Детское что-то и безмятежное
В звуках прозрачных, летящих светло,
В танце волшебных чудо-снежинок.
Чары развеяны. Сгинуло зло.
Праздник грядет, улыбаясь невинно.
Жизнь победила. Так будет всегда.
Горе проходит – любовь остается.
В небе сейчас воссияет звезда.
Снег, словно музыка, падает, вьется.

Рождение

Все вальсы осени нужны,
Все белые стихи зимы,
Хореев летних жар, цветенье
И пенье дудочки весенней.
Возьму у жизни звуки, краски,
Добавлю к ним любви и ласки,
Переболею красотой,
Болезнь солью в мотив простой.
Сама с собой затею битву,
Его словами облакая ...
Чем будет песенкой, молитвой
Мое дитя? Пока не знаю.
Но ту кровиночку, что будет,
Доверчиво отправлю в люди.

* * *

Пейзаж январский карандашный
Оконной рамою окован.
Подарок царский – день вчерашний!
Теперь все так свежо и ново.
И нежным ватманом дорога –
Штриховка робкая обочин,
И чудный полдень – недотрога,
Что хмур немного, но не очень.
И впереди еще есть дни.
Пусть будут добрыми они.

* * *

Тишайший снег к земле торжественной
Нисходит чинно и таинственно.
Смотрю в окно (пейзаж божественный)
И верю абсолютно искренне,
Что город светел и пристроен,
Что каждый третий – джентльмен.
Давай забудем про плохое!
Нам счастье выпадет с тобою,
Как этот снег и этот день.

1 Февраля

Как странно, что рукою
Озябшей и живой
Я холод над тобою
Взьерошу снеговой.
Ты веткой осторожно
Задел мое плечо.
Мы встретились. И можно
Уйти. И жить еще.
Терпеть. Ведь есть на свете
Любовь и жизнь пока
Есть ласковая ветка,
Как добрая рука.

* * *

Фарфоровая нежность,
Изысканная снежность.
Сквозь белое порхание
Ни звука, ни дыхания –
Другое измерение,
Ни более, ни менее...
А здесь у нас такая
Шальная кутерьма!
Но ахнешь, обмирая:
-А красота какая!
Какой снежок. Зима.
Идет проникновение
В другое измерение
И это, братцы, просто жизнь.
Не более.
Не менее.

Песенка

Икарус, как аквариум,
Плывет сквозь зимний лес.
Мы в нем, как девять рыбок,
Пучим глазки,
Не смея встать и выйти
В этот дивный край чудес.
Он мимо проплывает, словно сказка.
Ах, это диво-дивное мы вспомним и не раз,
Мы в этот невозможный лес влюбились.
Сейчас лишь он на целом
Белом свете есть для нас.
Мы все как будто даже позабыли,
Что дома в чаду, в суете
Нам, как на сковороде,
Придется метаться, беднягам, не замечая,
Что божий мир так хорош.
А разве это поймешь,
Когда свою жизнь
В такой кошмар превращаешь?

Вот так бы дальше плыть
И пусть очистится душа,
Ведь красота, всю дрянь с нее смывая,
Покажет, что душа – то изначально хороша,
Добра и все на свете понимает.
Тогда, вернувшись назад,
Минуешь обычный ад,
Без спешки вокруг посмотришь,
Поймешь и скажешь,
Что есть и любовь, и свет.
И даже вредный сосед
Сочувствие вызовет. Состраданье даже.

Анималистическое

Ему идут золотая цепь,
Ученый зверь, русалок рой.
Вознесся волею судеб
Красивый, сильный и большой
А я, в наивности своей,
Гордилась тем, что я не он,
Из симпатичных желудей
Творя болванов батальон.
Зря. Все одухотворено:
Золотая цепь, зеленый лист.
Все сущее давным – давно
Создал один анималист.
Я замысла не поняла,
Но чувствую, что он неглуп.
Ах, как же я слепая была!
Прекрасен ты, могучий дуб.

Апрель 1991 года

* * *

В белом небе белая звезда.
Плоскость белых стен и белых лиц.
А в окне, застывший навсегда,
Белый свет. Весь белый. Без границ.
Эх! Взорвать бы этот белый плен!
Я смирюсь и с болью, и с бедой,
Лишь бы вырваться из белых стен
В мир такой ужасный, но цветной.

* * *

Боль – милость, а беда – награда.
И это дорогого стоит.
Дышу. Люблю. Сильна и рада:
Все к лучшему. Болит живое.
А скажет жизнь:
- Пора прощаться!
Вздыхнув, запомню, как весной
Березки светятся от счастья,
Сияя первою листвою.

Г.Ч.

Да! Ты прав - я консервативна.
Мне порнуху смотреть противно,
Гнусно чтиво, что здесь продается
И обрыдло «Поле чудес».
Мне нужны туман над болотцем
Да прогретый солнышком лес,
На траве весёлые блики,
Гам ребячий, воробышков крики,
В тихом храме светлые лики –
Вот где жизнь без гримас и словес.
Только здесь она настоящая.
Даже боль её славить буду,
Как прививку от наглой, кричащей
Суеты, воцарившейся всюду.

Танечке К.

С утра сумятица, разбой белесой мути.
А на окне такой живой в водичке прутик.
И быт смешной, где все вверх дном,
И общий ералаш кругом,
И снег колотится в стекло –
Все славно, в общем.
Пусть жизнь на вкус горчит слегка,
Как милый запах тополя,
Пускай тропинку замело-
Опять протопчем.
Кружат судьба ли, вьюга нас,
Они в итоге
Нам новый день, как снежный наст
Постелят в ноги.

Продолжение Веры

Люди! Счастливая я!
Рядышком Вера моя.
Верится в совесть и честь,
Которые все - таки есть,
В крест матерей и отцов –
Маленьких сорванцов,
В ласку любимых глаз,
В тех, кто зависит от нас,
В землю мою хорошую,
Доброй травой поросшую.
Боль и жестокость, и грязь
Не запугают нас.
Я – моей Веры творенье,
Мамино продолженье.
И постаралась не даром она
Вера моя Захаровна.

* * *

Бабочку кушает хищный паук,
Съели коллегу прохвосты.
Вышел бесстрастного солнышка круг
Мелкой тарелкой просто.
Дикий какой – то у всех аппетит!
Лопайте, божьи твари.
Как мне обжорство ваше претит,
Если б вы только знали!

* * *

Сталью полоснет водица вешняя.
Тополь сломлен. Комель между луж.
Встрепенись, моя душонка грешная!
Все твои печали - просто чушь.
Павший тополь почки рвёт листвою
Больно, значит живы и всего-то.
Знаешь, жить и улыбаться стоит.
Быть счастливой - трудная работа,
Но взялась – терпи и соответствуй.
Если уж достойна ты любви,
То найди её в сильнейшем средстве:
Всех прости и все переживи.

Прости меня, великий Логос,
За суету и болтовню.
Яви божественную строгость.
Терзаюсь и себя виню
За нетерпенье, немолчанье,
Неверу, нелюбовь, незнание.
Противно во всеобщем гаме
Сорить делами и словами.
Пусть онемею и ослепну.
Пусть в отрешенной и нелепой
Одна душа моя немая
Все чувствует и понимает.
Пусть будут беззащитной ей
Беда больней и боль острее,
Все скорби ей и все печали –
Она все выдержит, жива
Тем, что другой поймет едва ли,
Уйдя в ненужные слова.
Но то, единственное, слово
Пусть воссияет, наконец,
Чистейшею лучась любовью.
И это будешь Ты, Творец.

Шестерикову В.Г.

Жизнь. Обыденность.
Серенький видеоряд.
Переростки - герани
На старой веранде стоят.
До весны не хватило капусты.
Вода в огороде.
Всюду будни:
В семье, на работе, в природе.
Все так скучно, тоскливо даже.
Мы красот здесь искать не будем.
Но поэт свое слово скажет
И готовы мы полюбить
И печную заслонку в саже,
И давно надоевшие будни,
И уродцы- герани. А также
И соседку, что в пору убить.

Потому что все это
Становится частью его,
Потому что любви
Слишком много в нем для одного,
Потому что она, вырастая,
Весь мир наполняет,
И становимся лучше мы.
Вот ведь картина какая.

Отцу

Там фото на эмали,
Там небеса – эмаль.
Пластмассы, воска, стали
Заучена печаль.
А ты не там, ты рядом,
Как дождь над старым садом,
Зимою тропы заячьи,
Весною – горлицы,
След самолета, тающий
Над головою где-то,
Друзья, озера, птицы,
Цветы, улыбки, дети –
Все, что должно случиться
Хорошего на свете.
Как утром вешний лес,
Как росная трава...
Все это так и есть,
Покуда я жива.

*Авторы выражают искреннюю
признательность редакции газеты
«Вести», лично Н. Ф. Гончар,
благодаря которым стало
возможным издание этой книги.*

Издано ТОО «Редакция газеты «Вести»
г. Булаево.
2007 г. Тираж. 90 экз.